

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что фольклор тружеников рек волжского бассейна стал поэтической летописью героического труда на великой водной артерии нашей Родины.

В. В. БЛАЖЕС
Уральский университет

СОВРЕМЕННЫЕ УСТНЫЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ В ИХ СВЯЗИ С НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ

Современный народный юмор бытует очень широко, он представлен самыми разными жанровыми формами: устными юмористическими рассказами, шутками, каламбурами, забавными приветствиями, ироническими прозвищами, поговорками, шутливыми афоризмами и др. В этой обширной области современного народного творчества принимают участие практически все: дети и взрослые, городские и сельские жители, люди физического и умственного труда. К сожалению, фольклористы этот материал почти не изучают: современные народные комические произведения или вообще не попадают в число публикуемых текстов, или публикуются в самом незначительном количестве, а многие исследования, как правило, обращены к традиционному, но не современному комическому фольклору.

Современный юмористический фольклор необходимо изучать, потому что это богатейший пласт народного творчества. Русский человек любит погружаться в атмосферу смеха, которая дает ему возможность в юмористической форме выразить свои этические, общественные и национальные взгляды, убеждения, идеалы. Комический фольклор—это свидетельство духовной силы, нравственного здоровья русского народа.

Юмористический фольклор всегда ценен тем, насколько он современен. Думается, нет необходимости доказывать, что мало кому доставит радость старый каламбур, анекдот «с бородой» и т. п. Юмористический фольклор постоянно меняется, трансформируется, и тем важнее поставить вопрос: есть ли в нем нечто стабильное, есть ли связь с народно-поэтической традицией, в чем и как она проявляется? В статье делается попытка ответить на эти вопросы.

Несколько слов о материале, на котором основаны наблюдения. Это около пятисот записей. Примерно двести из них сделаны студентом-заочником Уральского университета А. Матвеевым. В течение 1983—1985 гг. он работал лаборантом в одном из научно-исследовательских институтов и вел записи от инженеров, научных сотрудников. Остальные записи сделаны автором статьи в течение последних пяти-шести лет в Свердловске. В целом весь материал—это записи юмористических, шутливых историй, анекдотов, бытующих в среде современной интеллигенции. Разумеется, в бытовании

иногда встречаются рассказы аполитичные или одобренные эротикой, даже цинизмом, — такой материал остался вне нашего внимания.

Переходя непосредственно к нашей теме, сразу же отметим, что связь с традицией проявляется уже в том, что в современной народной юмористике действует тот же принцип включения жизненного материала, что и в дореволюционном русском фольклоре. Если говорить точнее, то, с одной стороны, в традиционной народной юмористике не было каких-либо ограничений, стихия смеха захватывала всех, начиная с царя и кончая крестьянином: в старых бытовых сказках, анекдотах, небылицах героями могли стать и Петр Первый, и дворянин, и полководец, и известный поэт, и германский кайзер, и любой другой человек. Но, с другой стороны, каждый из них в народной юмористике являл собой не столько конкретное историческое лицо, сколько тип: тип умного царя и, наоборот, царя недалекого, тип талантливого полководца или бесталанного и др. В современном фольклоре тот же принцип: в сферу юмора попадают все, начиная с какого-нибудь государственного деятеля и кончая безымянным солдатом, и также совершенно определенно просматривается тенденция создания типов.

Отметим еще один момент общего характера: и в старом, и в современном юмористическом фольклоре любая общественно-политическая, социальная, национальная, этическая, религиозная идея получает воплощение через бытовую эмпирику или, по крайней мере, заземлена на быт. Собственно говоря, эта заземленность на быт вообще является главной особенностью народной юмористики и объясняет тот принцип включения действующих лиц, о котором сказано выше. Если в сфере той или иной деятельности или благодаря социальному положению человек проявляет свои особенные свойства, то в сфере быта, с народной точки зрения, все без исключения одинаковы. Именно поэтому и в традиционной, и в современной юмористике герой, кем бы он ни был, действует наравне со всеми или в заурядных бытовых ситуациях, или с оглядкой на них. Сама по себе бытовая заземленность уже несет юмористический импульс, который усиливается или сюжетным ходом, или каким-либо иным способом.

Несколько неожиданно современные юмористические рассказы обнаруживают свою связь со сказками о животных. Сказки о животных — сравнительно небольшой раздел русского сказочного эпоса, они составляют всего около 10% сюжетного состава, но оказались очень жизнестойкими¹. Обычно считается, что сказки о животных в настоящее время «ушли» в детский репертуар. Это так, но примерно восемьдесят наших текстов из пятисот позволяют говорить, что в современных условиях сказочный эпос о животных стал также поэтической основой «взрослых» анекдотических рассказов.

¹ Здесь и далее сюжеты даны по указателю: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка/Л. Г. Бараг и др. Л., 1979.

В них действуют, не контактируя с человеком, одни животные и птицы: волк, медведь, лиса, заяц, еж, собака, ворона, петух, воробей и др. Являясь основным объектом повествования, они, как и в традиционной сказке, лишь иногда имеют свойственные им черты, но в целом их поступки не согласуются с их природой, а отражают дела и занятия человека, поэтому заяц пишет авторучкой в блокноте, медведь фотографирует, петухи ходят в магазин смотреть на обшипанных кур, звери летают в самолете, рассказывают друг другу смешные истории и т. д. В современных юмористических рассказах, как и в народных традиционных сказках о животных, нет никаких аллегорий, дидактических выводов — это и дает основание считать, что поэтика современного анекдотического рассказа, где действуют только звери и птицы, идет не от басни, а именно от народной сказки о животных.

В современных юмористических рассказах иногда используются традиционные сюжеты, например, № 20 А (Звери в яме), № 36 (Лис и волчиха), № 225 А (Журавль учит лису летать), № 288 С (Неторопливая черепаха), но чаще встречаются отдельные сюжетообразующие мотивы, сюжетные ситуации, принципы контрастного объединения персонажей по парам: большой и маленький, сильный и слабый, умный и глупый, ловкий и неуклюжий, уступчивый и настырный. Например, заимствуются такие сюжетообразующие мотивы, как коварный совет, различные формы запугивания, падения, обмана².

Используются также сюжеты бытовых, новеллистических сказок, традиционных анекдотов. Приведем несколько примеров. «В Америке много лет искали семью, где муж с женой ни разу не поссорились. Наконец нашли. У жены спрашивают: «Почему вы ни разу не поссорились?» Она говорит: «Когда мы повенчались, сразу поехали к мужу на ранчо, по дороге лошадь споткнулась, муж говорит: «Не спотыкайся! Раз!» Поехали дальше, лошадь опять споткнулась, он сказал: «Два!», потом она еще раз споткнулась, он сказал: «Три!», вынул из кармана пистолет, приставил лошади к уху — кх! — и застрелил. Я спрашиваю: «За что?», а он говорит: «Раз!» Конечно, это легко узнаваемый сюжет № 901 (Укрощение строптивой), а современная его обработка проявляется в том, что речь идет об американце. Последние 15—20 лет по нашим киноэкранам прошла масса фильмов о ковбоях, индейцах, об освоении американской территории, о «диком Западе», «золотой лихорадке» и т. п. Под их влиянием и возник стереотип американца — немногословного, деловитого, всегда вооруженного и применяющего оружие в любых ситуациях. И традиционный «бродячий» сюжет «Укрощения строптивой» оказался вполне подходящим для создания такого образа.

² Вопрос о связи современных юмористических рассказов со сказками о животных специально освещается в нашей статье, принятой к печати в сборнике «Фольклор народов РСФСР».

Другой пример. Поскольку сейчас актуальна борьба с пьянством, появилось немало анекдотов на эту тему. Один из них начинается так: «Алкоголик умер и попал в ад. Дает он привратнику четвертинку и говорит: «Слушай, устрой мне местечко получше». Привратник: «Ну пошли, сам выберешь». Открывает одну дверь, там грешники на сковороде жарятся. Алкоголик: «Нет, сюда не хочу...» В этом анекдоте сразу узнается традиционный сюжет № 800 А (Пьяница в аду). Но современные рассказчики использовали этот сюжет для осмеяния пьяницы. Он попадает впросак, отказавшись пойти туда, где грешники жарятся на сковороде, варятся в смоле и т. д., и решив остаться там, где грешники стоят по грудь в зловонной жиже и курят сигареты: как только пьяница встает рядом с курящими, раздается команда: «Кончай перекур! Начинаем приседание!»

Современные рассказчики часто опираются на поэтику волшебной сказки, при этом все волшебные мотивы и образы приобретают игровой, шутливый характер. «Два мужика встретились, один жалуются: «С женой конфликт, хоть из дома уходи». — «А что случилось?» — «Да понимаешь, на днях иду по дороге, смотрю — лягушка сидит. Зеленая, противная, холодная, вся в пупырышках и плачет. Ну я пожалел ее, принес домой, обогрел, положил с собою в постель. Утром просыпаюсь, а рядом такая белокурая красивая женщина! Ты мне веришь?» — «Верю!» — «Ну вот, а жена никак поверить не может!» Анекдот связан с сюжетом № 402 (Царевна-лягушка), точнее, с основным мифологическим мотивом этого сюжета — превращением человека в животное и наоборот. Приложение мифологического мотива к бытовой ситуации дает его пародийную модификацию, и тем самым высвечивается подлинный смысл происходящего.

Сегодня много говорят и пишут о разных чудесных, непознанных явлениях. Только в 1987 г. центральные газеты «на полном серьезе» писали о женщине, которая своим взглядом, как рентгеном, может просвечивать человека, или о мальчике, от взгляда которого возгорались вещи. Анекдоты высмеивают подобные чудеса с помощью мотивов волшебной сказки: «Василиса Премудрая умела внушать. Вот она однажды увидела — в доме напротив мужик сидит и что-то читает. Она начала ему внушать: «Выйди голый с гармошкой на балкон!» Час внушает — ничего, второй час внушает — ничего, третий час внушает: «Выйди голый с гармошкой на балкон». Мужик разозлился, выходит на балкон, срывает все с себя и кричит: «Ну чего пристала, нету у меня гармошки, нету!»

Здесь нельзя указать точного сюжетного соответствия, хотя отдаленно анекдот напоминает мотив волшебного сюжета о чудесном умении, который явно пересекается с современным вниманием к телепатии и другим явлениям парапсихологии. Анекдот иронизирует над способностью передачи мысли на расстоянии.

Современные рассказчики постоянно прибегают к традиционной

народной новеллистике — к ее темам, сюжетике, типам героев. Например, в дореволюционном фольклоре обычным был тип наивного героя — как правило, он воплощался в образе деревенского парня, живущего в глуши и вдруг попадающего в новую для него городскую обстановку. Здесь можно было бы назвать целый ряд героев, начиная с Петрушки из народной кукольной комедии и кончая пошехонцами. В современной юмористике этот тип героя не исчез, изменилось только его наименование: чаще всего он называется чукчей. Подчеркнем, что здесь нет насмешки над национальностью. Наименование героя взято по признаку отдаленного жительства: он живет далеко от больших городов — в тундре. Естественно, что такой персонаж, оказавшись в городе, иногда попадает впросак, давая повод для рассказов о том, например, как он покупал цветной телевизор, ездил в электричке, трамвае, такси, как заказывал в ателье себе фуражку, как служил в армии, прыгал с парашютом... Но кроме таких анекдотов, в которых звучит незлобивый смех над наивностью героя, есть и другие истории, рассказывающие о том, как в обстановке, привычной для чукчи, наивным оказывается уже не он, а русский. Например: «Чукча с русским пошел на охоту, говорит русскому: «Ты, однако, без моего знака не стреляй». Вот нашли они берлогу медведя, медведь выскочил и погнался за ними. Они бегут, бегут. Бегут час, русский устал, смотрит на чукчу, тот знака не подает. Бегут второй час, чукча знака не подает. Бегут третий час. «Ну все, больше не могу», — сказал русский, снял с плеча ружье и убил медведя. Чукча подходит: «Ты зачем стрелял?» — «Ну устал я очень бежать!» — «Теперь, однако, нести устанешь», — сказал чукча».

К подобным анекдотам примыкает цикл юмористических рассказов об иностранцах. Они существовали в дореволюционном фольклоре, сохраняются и в современном. На уровне обыденного сознания у русских существует трафаретное представление о наиболее характерных чертах немцев, англичан, французов, американцев и др., что и получает выражение в устной юмористике, причем человек той или иной национальности выступает в ней как носитель одной-двух черт. Англичанин — всегда респектабельный, хладнокровный, француз — легкомысленный, влюбчивый и т. д. Например: «В английский бар заходит человек и говорит бармену: «Виски и яблочный пирог!». Выпивает виски, съедает яблочный пирог, потом поднимается по стене, идет по потолку, спускается по противоположной стене и уходит. «Да, — говорит бармен, — столько лет стою за стойкой и ни разу не видел, чтобы виски закусывали яблочным пирогом!» Еще пример: «Англичанин попал на необитаемый остров, через несколько лет его нашли. Смотрят, а он уже построил три дома. Спрашивают, что это за дома. Англичанин отвечает: «Первый дом — я в нем живу; второй дом — это мой клуб; третий дом — это клуб, с которым я вражду». Здесь поводом для иронии являются английские привычки, нормы поведения.

Можно опустить многочисленные однотипные тексты, в которых

персонажами являются люди других национальностей, но необходимо подчеркнуть одну очень существенную их особенность: в таких юмористических произведениях нет национального высокомерия русских, нет их снобизма, бахвальства. Наоборот, смех русских рассказчиков часто направлен на своих соотечественников: «Французские альпинисты решили совершить восхождение на Казбек. Вот идут к вершине. Первый француз, добравшись до вершины, восхищенно воскликнул: «Ах! Мон ами! Красота-то какая!» А эхо привычно откликнулось: «Мать... мать...» Самоирония русского рассказчика совершенно очевидна.

Иронизируя над людьми других национальностей, русские постоянно высмеивают и себя. В частности, свою привычку к грубому слову, вину. Приведем еще такой текст: «Англичанин, француз и русский попали на необитаемый остров. Кругом песок, ничего нет. Вдруг видят — лежит запечатанная бутылка, а в ней джин, просит, мол, выпустите меня, все для вас сделаю. Они выпустили. Джин: «Чего изволите?» Англичанин говорит: «Мне машину и в Лондон». Раз — машину и в Лондон. Француз: «Мне женщину и в Париж». Русский: «Женщину ему и в Париж! Дурак, такую компанию испортил. Водки и всех обратно!» В этом анекдоте связь с традицией проявляется в шутовском обыгрывании старого сказочного сюжетообразующего мотива договора человека с нечистой силой. Но ощутима и самоирония русского рассказчика. В такой направленности смеха на себя также видится продолжение народной традиции, которая еще во времена В. И. Даля была отмечена пословицами типа «Шутить над другими — любить шутку и над собой», «Шутку любишь над Фомой, так люби и над собой»³.

В современной устной юмористике, как и в старом фольклоре, всегда овеяны симпатией ловкие, находчивые герои. Например, не исчез тот находчивый солдат, который всех может обхитрить, щи из топора сварить, даже стать генералом и панибратски похлопать по плечу Петра Первого. Современным рассказчикам явно импонирует такой герой, и они, используя сюжетообразующие мотивы традиционных сказок о Петре Первом (например, № 921, 922 А), рисуют солдата и царя как достойных друг друга. В то же время сегодня тип находчивого героя, сохраняя свою сущность, «типичность», предстает чаще не в виде ловкого сказочного солдата, а в облике гусара или поручика, поэтому действие рассказов разворачивается в аристократических домах, дворянских гостиных или даже в апартаментах царицы Екатерины. Правда, и сказочный солдат имел туда доступ, хотя обычно он действовал в крестьянской избе, на сеновале, в лесу, на проселочной дороге, на базаре и т. п. В анекдотах о гусарах больше ощутимо влияние литературной традиции, но и историко-типологическая общность с народной новеллистикой несомненна.

³ Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. М., 1984. Т. 2. С. 302.

В русском фольклоре прошлых веков была масса произведений, обыгрывающих в юмористическом плане взаимоотношения мужа, жены и любовника. Этот классический треугольник и сейчас остается в центре внимания народной юмористики — в наших записях более пятидесяти произведений, построенных по типу традиционных сюжетов 1418 А, 1419 А, 1419 В, 1419 Е, 1419 Г, 1419*, 1419 К, 1421*, 1422* и многих других. Во всех них муж — традиционный простак, жена — изворотливая хитровка, любовник — умный ловкач.

Иными словами, и в старом, и в современном юмористическом фольклоре одинаково осмеиваются недалекость, простоватость, а симпатии отдаются людям умным, сообразительным, не теряющимся в любых сложных ситуациях. Можно сказать, что в таких оценках нынешние интеллигенты солидарны со своими дедами и пращурами, и в этом тоже проявляется этическая национальная традиция.

В современных анекдотах о любовном треугольнике эротические мотивы не исчезли, но они, как правило, редуцированы и обыгрываются меньше — содержательный акцент перенесен на изобретательность действий персонажей. Например, женская хитрость и изворотливость или, как говорили в прошлом, бабьи увертки сейчас лишены гротескности, фарсовости и обычно переводятся в психологический план. Например, рассказывается, что жена забеременела от негра и решила обмануть мужа: каждую ночь она вскакивала с постели и уверяла, что ей приснился страшный сон, будто она родила негртенка с двумя головами. Муж ее успокаивал, говорил, что ей вредно волноваться в ее положении, но она по-прежнему разыгрывала своего мужа и довела его до такого состояния, что он возрадовался, когда узнал, что родился негртенок с одной головой: «Муж прибегает в больницу: «Ну что?» — «Родила». — «Кого? — «Мальчика-негра». — «С двумя головами?» — «С одной». — «Ну слава богу!»

Любовник-ловкач, сохраняя свою традиционность, по-прежнему находит выход из любой, казалось бы, тупиковой ситуации, но порой несет некоторые моральные потери — не избегает легкой иронии и в свой адрес. В одном из анекдотов любовник, спасаясь от неожиданного вернувшегося мужа, прыгает вниз с пятого этажа, летит и думает: «Если останусь жив, брошу пить, брошу курить, на женщин даже смотреть не буду». Он приземлился на повозку с сеном, которая проезжала под окном. Встал, отряхнулся, посмотрел наверх и сказал: «Надо же! Летел всего секунду, а столько глупых мыслей».

Одна из популярных тем народной юмористики — взаимоотношения тещи и зятя — сегодня не претерпела каких-либо принципиальных изменений и в тематико-сюжетном, и в персонажном планах, возникли только новые обстоятельства действия и соответственная им бытовая атрибутика. По-прежнему обыгрываются в

анекдотах различные ситуации со стариком и старухой: например, как они спорили, кому дверь открывать, кому посуду мыть, как старуха «держала воду во рту» и в доме наступила тишина и др.

Приведем такой пример: «Жили старик со старухой. Вот старуха говорит: «Давай, дед, вспомним молодость». — «А как?» — «Ну наше первое свидание, ты меня жди у сарая, а я к тебе выйду». Старик согласился. Пошел к сараю, сел на лавочке, ждет. Час ждет, два ждет, нету старухи. Темно стало, холодно. Ему надоело, пошел обратно в избу. Смотрит — старуха на печке сидит, семечки щелкает. Он ругается, почему не пришла. «А меня, может, мама не отпустила», — говорит старуха».

Здесь же можно назвать и сюжет весьма почтенного возраста — про мертвую старуху — № 1536 А или № 1537 (Мертвое тело). В. Я. Пропп, анализируя эти сказочные сюжеты, показал, что они бытовали в разное время начиная с XIV в. у народов Европы, Америки и, конечно, у восточных славян. И хотя их сюжетообразующим мотивом является избавление от мертвой старухи, в целом это веселый фарс, наполнявшийся у разных народов различным смыслом.

Сейчас сохраняется старый жанровый облик, но финал пародирует наш трескучий оптимизм, бодрячество. Рассказывается, например, очень подробно, как мертвец побывал под колесами машины, паровоза, на дне реки, в него стреляли из двустволки, потом подобрали и привезли в больницу. Хирург оперировал его двадцать четыре часа подряд, выходит, вытирает пот со лба: «Уф, сложный случай, но жить будет».

У русского народа предметом шутового обыгрывания, пародирования часто является родной язык, поэтому и существует так много скороговорок, считалок, прозвищ, анекдотов, юмористических сказок и т. п., поэтому и существует «языковая игра» — особая сфера разговорной речи, где используются такие приемы, как рифмовка, фонетическая деформация слов, стиливой контраст, пародийное использование фонетических подсистем, построение необычных языковых единиц, нарушение закона сочетаемости слов, разные виды не прямых (иронических и шуточных) номинаций, ироническое возвеличивание или принижение и др.)⁵. Все эти приемы используются в традиционной и современной юмористике, они являются общенациональным поэтическим фондом.

В традиционной юмористике подвергались осмеянию те, кто плохо владеет родной речью, знает мало слов, не знает или непонимает их значений, имеет недостатки произношения. Кстати, дефектное произношение считалось именно недостатком, потому что народная педагогика выработала целую систему исправления

⁴ См.: Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1977. С. 87.

⁵ См.: Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковая игра//Русская разговорная речь: Фонетика, морфология, лексика, жест. М., 1983. С. 172—212.

речи, и если человек шепелявил, картавил, «проглатывал» гласные или согласные звуки, то это связывалось с элементарной ленью, нежеланием научиться правильно говорить. Поэтому все, кто плохо знает родной язык, неумело владеет речью, непременно осмеивались в анекдотах и сказках про шепелявых невест, недалеких мужиков, не понимающих смысла слов и попадающих впросак, про жадных старух, не знающих разных значений одного слова, глупых попов, которые воспринимали сказанное буквально и не догадывались о существовании иносказательности. С другой стороны, все герои, одерживающие победу над этими персонажами, всегда отлично владеют русской речью, собственно говоря, они потому и герои, что умны и владеют национальным богатством — родным языком. Можно назвать несколько десятков сюжетов русского сказочного эпоса, где основным сюжетообразующим мотивом является «игра слов», например: № 1543 В***, 1544 А*, 1544****, 1544 В*, 1544 С*, 1544 Е*, 1562 С*, 1570*, 1572 В*, 1572, 1575 А*, 1643**, 1675, 1678**, 1698, 1699, 1699 В, 1699**, 1699 С* 1700, 1702 А****, 1702 С*...

Современные интеллигенты также рассказывают юмористические истории, высмеивающие людей, плохо знающих родной язык, не умеющих правильно говорить и писать. Например, бытуют анекдоты про мужчину, который, чтобы показать себя культурным, придя в баню, неуместно употребляет выражения «баня функционирует», «вода циркулирует», «дайте билет на одно лицо»; или про деревенского старичка, который ставит в тупик заезжего лектора просьбой объяснить смысл слова «фаргелет»; или про официанта, путающего значения слов «саквояж» и «кошелек». Или высмеивается безграмотность некоего руководителя и его секретарши: «Начальник вызывает секретаршу: «Напишите объявление, что во вторник состоится собрание». Через полчаса секретарша приходит и говорит: «А как правильно писать — вторн-и-к или вторн-е-к?» — «Посмотрите в словаре!» — «Я уже смотрела, там нет такого слова на «эф»». — «Гм. Тогда напишите — в среду».

Сейчас юмористические истории о языковых «ляпах» часто связываются с наивностью детей, но в них осмеиваются, конечно, не дети, а взрослые, не умеющие объяснить смысл того или иного слова.

Например, девочка приходит к матери: «Мама, что такое проститутка?» — «О! это страшное слово!» — «Страшнее, чем леший?» — «Страшнее!» — «Страшнее, чем Баба Яга?» — «Еще страшнее!» — «Страшнее, чем Змей Горыныч?» — «Гораздо страшнее!» Девочка побежала к бабушке и начала ее пугать: «У-у! Бабушка, я — проститутка!» Если в этом случае мама невольно запутала дочку с помощью сказочных образов, то в другой анекдоте папа с таким же успехом обучает сына политической терминологии, прибегая к традиционному приему иносказательности: «Маленький мальчик говорит отцу: «Я ничего не понимаю с этой Америкой, как она устроена». Отец говорит: «Ладно, объясню на примере

нашей семьи. Я вот, допустим, президент. Но ведь я не один правлю, значит, мама — сенат. Бабушка нигде не работает, но все знает, значит, она — ЦРУ. Ну а ты — народ». На следующий день мальчик звонит отцу на работу: «Папа, пришел какой-то новый президент, сенат не против, ЦРУ дремлет, народ волнуется».

Каждая из таких юмористических историй кажется развлекательной малостью, но когда их десятки, то начинает просматриваться очень важная тенденция. Русские люди не случайно высмеивают тех, у кого нет чувства родного языка, кто косноязычен. С народной точки зрения, именно овладение родным языком пробуждает в человеке чувство национальной принадлежности, поэтому хорошо владеть русским языком — значит быть по-настоящему русским человеком. Эта точка зрения существовала в прошлом, существует и сейчас, если судить по современным юмористическим рассказам.

По нашим подсчетам, до 15% бытующих юмористических произведений связаны с литературной традицией, с мультипликационным кино. Остальные, т. е. подавляющее большинство современных городских устных юмористических рассказов, исторически связаны с национальной фольклорной новеллистикой. В чем эта связь?

Во-первых, как в дореволюционное время, так и сегодня рассказчики не ищут смешное в чем-то выдуманном, они видят смешное, шире — комическое в самой обыкновенной жизни, в реальной действительности и выражают это смешное через бытовую конкретику. Во-вторых, современные юмористические рассказы оказываются связанными со сказками о животных, волшебными, новеллистическими, так называемыми бытовыми и старинными народными анекдотами, практически со всем традиционным сказочным эпосом. Связь эта обнаруживается через сюжеттику: либо полностью используется старый сюжет для воплощения новой идеи, либо — что чаще — привлекается сюжетная ситуация, сюжетообразующий мотив; заимствуется также принцип контрастного объединения персонажей или в пародийно-игровых целях используется сказочный образ (в скобках скажем, что в нашем материале есть пародии на традиционные былички и несколько текстов, в которых пародируется волшебная сказка). В-третьих, современные рассказчики используют основные семейно-бытовые темы и основные типы традиционной новеллистики.

Короче говоря, современные инженеры, научные работники, учителя, вообще городская интеллигенция рассказывают юмористические истории, которые по сюжетике, поэтике, часто и тематически восходят к тому, что рассказывали русские люди в XVIII — XIX вв.

Современная городская новеллистика органически связана с национальным сказочным сюжетно-поэтическим фондом.

Мы отдаем себе отчет в том, что настоящая статья не столько решает, сколько ставит проблему — для ее разработки необходим целый ряд исследований.